

After the dissolution of the USSR the territorial units of the Russian Federation actively started entering with “external partners” into the treaty relations in economic and other spheres. The modern practice and the due legal basis are analyzed here.

Among all the author of this article supports the idea to make the draft Convention on international treaties of the territorial units (the subjects of federations) of states. The materials of the Vienna conference of 1969 on the law of the treaties are of great interest in this question.

Юрисдикция международного центра по урегулированию инвестиционных споров

*Лисица В.Н.**

18 марта 1965 г. был принят один из основополагающих источников международного инвестиционного права – Вашингтонская конвенция об урегулировании инвестиционных споров между государствами и гражданами других государств от 18 марта 1965 г. (далее – Вашингтонская конвенция)¹. По состоянию на 25 января 2006 г. ее подписали 155 государств, из них 143 ее ратифицировали².

Вашингтонская конвенция установила международный порядок разрешения инвестиционных споров между государствами и физическими или юридическими лицами других государств путем учреждения Международного центра по урегулированию инвестиционных споров (МЦУИС). При этом ни одно государство – участник Вашингтонской конвенции не предоставляет дипломатической защиты и не предъявляет международного иска в отношении спора, который одно из его физических или юридических лиц и другое договаривающееся государство согласились передать или передали на арбитраж на основании Вашингтонской конвенции, кроме случая, когда другое такое договаривающееся государство не соблюдает или не выполняет арбитражное решение, вынесенное по такому спору (ст. 27 Вашингтонской конвенции). Таким образом, значение Вашингтонской конвенции заключается в том, что она создала условия для ухода государств от практики реализации ими права на дипломатическую защиту своих инвесторов и позволила превратить споры из международно-правовых в частноправовые³.

* Лисица Валерий Николаевич – к.ю.н., доцент, старший научный сотрудник сектора гражданского права и процесса института философии и права СО РАН.

¹ Международное частное право. Сб. документов / Сост. К.А. Бекяшев, А.Г. Ходаков. М.: Изд-во «БЕК», 1997. С. 592-606.

² [Электронный ресурс] [<http://www.worldbank.org/icsid/constate/c-states-en.htm> 04.08.2006].

³ См.: *Sella P.* Dealing with Investment Problems: the World Bank and the International Centre for Settlement of Investment Disputes / P. Sella // International Control of Investment / The Dusseldorf Conference on Multinational Corporations. N.Y., Washington, L., 1973. P. 136.

Юрисдикция МЦУИС, согласно ст. 25 Вашингтонской конвенции, распространяется на все правовые споры, возникающие непосредственно из отношений, связанных с инвестициями, между государством – участником Вашингтонской конвенции (или любым уполномоченным органом государства, о котором сообщено государством МЦУИС) и лицом другого государства – участника Вашингтонской конвенции при условии наличия письменного согласия участников спора о передаче такого спора для разрешения МЦУИС.

Таким образом, для того чтобы МЦУИС был компетентным рассматривать инвестиционный спор, необходимо соответствующее письменное согласие участников спора – арбитражное соглашение. Международное и национальное право многих стран мира (включая и Российскую Федерацию) и международная арбитражная практика идут по пути признания соглашения о передаче спора заключенным в письменной форме, если оно содержится в документе, подписанном сторонами, или заключено путем обмена:

1) письмами, сообщениями по телетайпу, телеграфу или с использованием иных средств электросвязи, обеспечивающих фиксацию такого соглашения;

2) исковым заявлением и отзывом на иск, в которых одна из сторон утверждает о наличии соглашения, а другая против этого не возражает.

Так, согласно п. 2 ст. II Нью-Йоркской конвенции о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений от 29 декабря 1958 г. (далее – Нью-Йоркская конвенция)⁴ термин «письменное соглашение» включает арбитражную оговорку в договоре или арбитражное соглашение, подписанное сторонами или содержащееся в обмене письмами или телеграммами.

В соответствии с п. 2 ст. I Европейской конвенции о внешнеторговом арбитраже (г. Женева, 21 апреля 1961 г.)⁵ термин «арбитражное соглашение» обозначает арбитражную оговорку в письменной сделке или отдельное арбитражное соглашение, подписанное сторонами или содержащееся в обмене письмами, телеграммами или в сообщениях по телетайпу, а в отношениях между государствами, в которых ни один из законов не требует письменной формы для арбитражного соглашения, – всякое соглашение, заключенное в форме, разрешенной этими законами.

⁴ Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 1993. № 8. С. 108-113.

⁵ Ведомости Верховного Совета СССР. 1964. № 44. Ст. 485.

Подобная норма содержится и в п. 2 ст. 7 Закона РФ от 7 июля 1993 г. № 338-1 «О международном коммерческом арбитраже»⁶: «Арбитражное соглашение заключается в письменной форме. Соглашение считается заключенным в письменной форме, если оно содержится в документе, подписанном сторонами, или заключено путем обмена письмами, сообщениями по телетайпу, телеграфу или с использованием иных средств электросвязи, обеспечивающих фиксацию такого соглашения, либо путем обмена иском заявлением и отзывом на иск, в которых одна из сторон утверждает о наличии соглашения, а другая против этого не возражает. Ссылка в договоре на документ, содержащий арбитражную оговорку, является арбитражным соглашением при условии, что договор заключен в письменной форме и данная ссылка такова, что делает упомянутую оговорку частью договора».

Вопрос о способах достижения согласия между сторонами поднимался и при рассмотрении инвестиционных споров в МЦУИС. Так, в деле *Tradex Hellas S.A. v. Republic of Albania* (Case No. ARB/94/2)⁷ Правительство Албании оспаривало юрисдикцию МЦУИС, поскольку не было письменного соглашения между правительством Албании и греческой компанией Tradex Hellas S.A. о передаче спора в МЦУИС (в соответствии со ст. 25(1) Вашингтонской конвенции).

В своем решении арбитражный суд отметил, что, во-первых, Вашингтонская конвенция не требует, чтобы согласие сторон было выражено в каком-либо отдельном документе. Во-вторых, включение в текст международного договора или акта национального законодательства положения о компетенции МЦУИС свидетельствует о согласии государства на передачу возможных споров МЦУИС.

Тем не менее суд МЦУИС отказал в своей компетенции, сославшись на то, что просьба на рассмотрение спора в МЦУИС поступила ранее вступления в силу двустороннего международного договора между Грецией и Албанией о поощрении и взаимной защите инвестиций, закрепляющего компетенцию МЦУИС.

Итак, юрисдикция МЦУИС может быть основана на двустороннем международном договоре о поощрении и защите капиталовложений или национальном законодательстве, в котором содержатся соответствующие положения. И на это ссылался суд МЦУИС и в других де-

⁶ Ведомости съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1993. № 32. Ст. 1240.

⁷ ICSID Review—Foreign Investment Law Journal. 1999. Vol. 14. № 1. P. 197-249.

лах: *Ceskoslovenska Obchodni Banka, A.S. v. Slovak Republic* (Case No. ARB/97/4)⁸ и *Asian Agricultural Products Limited v. Republic of Sri Lanka*⁹.

Формулировки о компетенции МЦУИС, используемые в актах национального законодательства, различны. Так, Инвестиционный кодекс Уганды 1991 г. (ст. 30) предусматривает разрешение споров согласно Вашингтонской конвенции путем арбитражного рассмотрения, Кодекс об инвестициях Центральной Африканской Республики 1988 г. (ст. 30) – путем примирительной процедуры или арбитражного рассмотрения, Инвестиционный кодекс Кот-д’Ивуара 1984 г. (ст. 10) – посредством примирительной процедуры и арбитражного рассмотрения, Инвестиционный кодекс Мадагаскара 1989 г. (ст. 10) – путем арбитражного рассмотрения, которому должна предшествовать примирительная процедура¹⁰.

Тем не менее простое упоминание МЦУИС в качестве возможного органа по разрешению спора (наряду с национальным судом или иным арбитражным судом) еще не означает, по нашему мнению, согласия государства на компетенцию МЦУИС. При наличии в формулировке слов, предполагающих заключение соглашения между сторонами о выборе компетентного суда, положения национального закона не следует считать односторонним предложением государства, которое может быть принято инвестором в одностороннем порядке¹¹. Поэтому необходимо тщательно проанализировать формулировку национального закона, для того чтобы определить наличие или отсутствие согласия государства.

Обратимся, к примеру, к ст. 10 Федерального закона от 9 июля 1999 г. № 160-ФЗ «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации»¹². Она устанавливает, что спор иностранного инвестора, возникший в связи с осуществлением инвестиций и предпринимательской деятельности на территории Российской Федерации, разрешается в соответствии с международными договорами Российской Федерации и федеральными законами в суде или арбитражном суде либо в международном арбитраже (третейском суде). Подобная формулировка

⁸ ICSID Review—Foreign Investment Law Journal. 1999. Vol. 14. № 1. P. 251-283; 2000. Vol. 15. № 2. P. 544-557.

⁹ ICSID Reports. Cambridge, 1997. Vol. 4. P. 246-251.

¹⁰ Цит. по: *Schreuer C.H. The ICSID Convention: A Commentary* / С.Н. Schreuer. Cambridge, 2001. P. 98.

¹¹ *Ibid.* P. 204-205.

¹² Собрание законодательства Российской Федерации. 1999. № 28. Ст. 3493.

закреплена и в ст. 22 Федерального закона от 30 декабря 1996 г. № 225-ФЗ «О соглашениях о разделе продукции»: «Споры между государством и инвестором, связанные с исполнением, прекращением и недействительностью соглашений, разрешаются в соответствии с условиями соглашения в суде, в арбитражном суде или в третейском суде (в том числе в международных арбитражных институтах)»¹³.

Указанные положения не содержат упоминание о МЦУИС, как и о другом конкретном арбитражном суде, и не порождают поэтому, с нашей точки зрения, согласие государства на рассмотрение спора МЦУИС.

Сходной позиции придерживаются и арбитражные суды Российской Федерации. Так, российский машиностроительный завод обратился в арбитражный суд с иском к торговому дому, находящемуся в Швейцарии и имеющему филиал на территории Российской Федерации, о признании недействительным заключенного с ним договора. Внешнеэкономический контракт международной купли-продажи товара содержал арбитражную оговорку о том, что все разногласия, возникающие из обязательств по данному договору, будут рассматриваться «в парижском институте».

В письменном возращении против иска ответчик указал, что внешнеэкономический контракт содержит арбитражную оговорку, но не пояснил, о каком третейском суде идет речь в этой оговорке. В ходе разбирательства арбитражный суд установил, что истец, так же как и ответчик, не мог конкретизировать содержание данной оговорки: не назвал точного наименования международного институционального арбитража, не дал о нем пояснений, отрицал действительность своего волеизъявления на арбитражное соглашение в данном внешнеэкономическом контракте. Иными словами, суд установил, что данное арбитражное соглашение не может быть конкретизировано, а следовательно и выполнено сторонами по внешнеэкономическому контракту. Как следствие, арбитражный суд принял иск российского предприятия к рассмотрению¹⁴.

Совершенно другая формулировка изложена в ст. 1120 Североамериканского соглашения о свободной торговле от 17 декабря 1992 г.

¹³ Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 1. Ст. 18.

¹⁴ См.: пункт 13 Информационного письма Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 16 февраля 1998 г. № 29 «Обзор судебной-арбитражной практики разрешения споров по делам с участием иностранных лиц» // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 1998. № 4. С. 38-56.

(НАФТА)¹⁵. Она предусматривает право инвестора на предъявление иска: а) согласно Вашингтонской конвенции в МЦУИС при условии, что государство-ответчик и государство истца являются участниками Вашингтонской конвенции; б) согласно Дополнительным правилам МЦУИС (Additional Facility Rules of ICSID), если государство-ответчик или государство истца является участником Вашингтонской конвенции; в) согласно Арбитражному регламенту ЮНСИТРАЛ¹⁶.

Другой пример. Согласно п. 3 ст. 26 Договора к Энергетической хартии государство – сторона Договора дает свое безусловное согласие на передачу спора в международный арбитраж или согласительный орган в соответствии с положениями этой статьи. При этом если какой-либо инвестор предпочитает передать спор на разрешение таким путем, этот инвестор также дает свое согласие в письменной форме на передачу спора на рассмотрение:

1) в МЦУИС;

2) единоличному арбитру или в арбитражный суд *ad hoc*, учреждаемый в соответствии с Арбитражным регламентом ЮНСИТРАЛ; или

3) на арбитражное рассмотрение при арбитражном институте Международной торговой палаты в Стокгольме.

В указанных случаях, с нашей точки зрения, было дано согласие государства, требуемое правилами Вашингтонской конвенции. Это подтверждает дело *Waste Management, Inc. v. United Mexican States* (Case No. ARB(AF)/98/2)¹⁷ из международной арбитражной практики МЦУИС.

В нем муниципальное образование *Asapulco de Jubrez* в мексиканском штате *Guerrero* выдало компании *Asaverde*, принадлежащей американской корпорации *Waste Management, Inc.*, инкорпорированной в штате Делавэр, концессию на утилизацию отходов. Иск к Мексике был предъявлен в 1998 г. в связи с аннулированием лицензии.

В своем решении арбитражный суд МЦУИС отметил, что в силу ст.

1122 НАФТА государство выразило согласие на рассмотрение инвестиционного спора в МЦУИС. Однако истец не в полной мере выполнил требование ст. 1121 НАФТА, в частности он не выразил свое согласие в полной мере на арбитраж в МЦУИС в письменной форме и не отказался от своего права на защиту в иных судебных и арбитражных

институтах. На этом основании большинством голосов арбитражный суд МЦУИС признал себя некомпетентным разрешать спор.

В арбитражном соглашении стороны могут избрать в качестве компетентного и суд *ad hoc* – арбитражный суд, образуемый для разрешения конкретного отдельного спора. Процедура учреждения подобного суда в том случае, когда стороны в третьей записи не договорились о назначении арбитра (арбитров) и не обозначили место арбитража, предусмотрена, в частности, в п. 3 ст. IV Европейской конвенции о внешнеторговом арбитраже¹⁸, Арбитражном регламенте ЮНСИТРАЛ, Арбитражном регламенте Европейской экономической комиссии ООН¹⁹.

К примеру, российское предприятие обратилось в арбитражный суд Российской Федерации с иском к французскому торговому дому, имеющему филиал на территории Российской Федерации, о возмещении убытков. Несмотря на неоднократные извещения, направляемые в порядке, предусмотренном международными договорами, ответчик в суд не явился, но представил письменное возражение против рассмотрения дела в государственном суде, сославшись на оговорку в контракте об арбитраже *ad hoc* (на случай).

Арбитражный суд заключил, что он должен оставить иск без рассмотрения, если имеется соглашение лиц, участвующих в деле, о передаче данного спора на разрешение третейского суда и возможность обращения к третейскому суду не утрачена и если ответчик, возражающий против рассмотрения дела в арбитражном суде, не позднее своего первого заявления по существу спора заявит ходатайство о передаче спора на разрешение третейского суда. В данном случае стороны не утратили возможности обращения в арбитраж *ad hoc*. Поэтому арбитражный суд Российской Федерации признал себя некомпетентным рассматривать данный спор между сторонами²⁰.

Вместе с тем наличие арбитражного соглашения еще не означает бесповоротный отказ сторон о передаче спора в иной суд. Оно может быть изменено по соглашению сторон, в том числе путем, когда одна сторона обращается в этот иной суд, а другая сторона не возражает против этого.

¹⁸ Ведомости Верховного Совета СССР. 1964. № 44. Ст. 485.

¹⁹ [Электронный ресурс] [Справочная правовая система «Гарант» 31.08.2006].

²⁰ См.: пункт 19 Информационного письма Президиума Высшего Арбитражного Суда России от 18 января 2001 г. № 58 «Обзор практики разрешения арбитражными судами споров, связанных с защитой прав иностранных инвесторов» [Электронный ресурс] [Справочная правовая система «Кодекс» 31.07.2006].

¹⁵ Legal Problems of International Economic Relations: 2002 Documents Supplement / Edited by J.H. Jackson, W.J. Davey, A.O. Sykes. St. Paul, 2002. P. 512-734.

¹⁶ [Электронный ресурс] [Справочная правовая система «Гарант» 31.03.2003].

¹⁷ ICSID Review—Foreign Investment Law Journal. 2000. Vol. 15. № 1. P. 214-240.

Из этого положения исходит и арбитражная практика в Российской Федерации. К примеру, между открытым акционерным обществом «Преображенская база тралового флота» (заказчик) и японской фирмой «Тайе Геге Ко., Лтд» (подрядчик), правопреемником которой является японская фирма «Маруха Корпорейшн», был заключен контракт от 27 июля 1993 г. № ТМ-001-93 на ремонт плавбазы «Калининградский комсомолец». Пунктом 54 контракта предусматривалось, что все споры и разногласия сторон рассматриваются в арбитражном порядке в Стокгольме без вмешательства генеральных судов; при разрешении спора арбитраж руководствуется условиями контракта, а в других случаях применяется материальное право Швеции. Дополнением от 18 февраля 1998 г. № 3 к контракту стороны изменили редакцию п. 54, установив, что возникающие споры подлежат разрешению в Арбитражном суде Приморского края в соответствии с установленной законодательством Российской Федерации процедурой.

Президиум Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации заключил, что при наличии соглашения спорящих сторон о передаче разногласий на разрешение третейского суда российский арбитражный суд вправе рассматривать подведомственный ему спор с участием иностранного лица и в том случае, если иск предъявлен в надлежащий арбитражный суд субъекта Российской Федерации и ответчик не заявляет ходатайства о передаче спора в третейский суд до своего первого заявления по существу спора. В данном деле на момент обращения с иском возможность рассмотрения возникшего спора третейским судом (арбитражем) сторонами не была утрачена, однако до своего первого заявления по существу спора ответчик не подтвердил своего желания обратиться в третейский суд (арбитраж), а напротив, приводил доводы и представлял доказательства по существу заявленного иска об оплате задолженности. Поэтому после своего первого заявления по существу данного спора ответчик не мог сослаться на наличие арбитражной оговорки²¹.

В международном и национальном праве многих стран арбитражная оговорка считается автономной от договора, в котором она содержится. Это означает, что признание недействительным договора не влечет за собой недействительность соглашения о передаче спора

²¹ См.: Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 21 марта 2000 г. № 6084/99 [Электронный ресурс] [Справочная правовая система «Кодекс» 31.07.2006].

третейскому суду (п. 2 ст. 7 Закона РФ от 7 июля 1993 г. № 5338-1 «О международном коммерческом арбитраже»).

Данное положение подлежит, с нашей точки зрения, уточнению. Дело в том, что оно справедливо лишь в отношении оснований, которые влияют на недействительность договора, а не арбитражной оговорки. Это те, которые могут быть связаны с пороками формы или содержания. К примеру, Гражданский кодекс Российской Федерации²² (далее – ГК РФ) и иные федеральные законы в ряде случаев требуют соблюдение письменной нотариальной формы сделки. В противном случае она является недействительной (п. 2 ст. 162, п. 1 ст. 165 ГК РФ). То же самое следует сказать и в отношении соответствия или несоответствия договора специальным требованиям федеральных законов, указов Президента Российской Федерации и постановлений Правительства Российской Федерации (ст. 168 ГК РФ).

Вместе с тем есть основания, которые должны порождать одновременно недействительность как договора, так и содержащейся в нем арбитражной оговорки. К ним следует отнести те, которые связаны с пороками в субъектном составе и воли в сделке (ст. 171-179 ГК РФ). Понятно, к примеру, что если лицо было признано недееспособным, оно не могло заключить любую сделку (как договор, так и арбитражное соглашение) и породить какие-либо юридические последствия (ст. 171 ГК РФ). Ход наших рассуждений целесообразно подкрепить и положением ст. 180 ГК РФ, которая гласит: «Недействительность части сделки не влечет недействительности прочих ее частей, если можно предположить, что сделка была бы совершена и без включения недействительной ее части».

Именно из этих представлений, по нашему мнению, исходит Нью-Йоркская конвенция, которая в подп. «а» п. 1 ст. V устанавливает следующие основания в отказе в признании и приведении в исполнение арбитражного решения:

1) стороны в арбитражном соглашении были по применимому к ним закону в какой-либо мере недееспособны;

2) арбитражное соглашение (включая арбитражную оговорку) недействительно по закону, которому стороны это соглашение подчинили, а при отсутствии такого указания – по закону страны, где решение было вынесено.

²² Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.

В юридической науке не нашел единого понимания вопрос о правовой природе арбитражного соглашения, а именно: является ли оно институтом материального или процессуального права. По-разному решается вопрос и в арбитражной практике.

Так, российская организация предъявила иск к бельгийской фирме о взыскании стоимости поставленного товара. Международный коммерческий арбитражный суд при Торгово-промышленной палате Российской Федерации признал заключенный сторонами контракт недействительным из-за нарушений требований законодательства СССР о порядке подписания внешнеторговых сделок. В связи с этим возник вопрос о действительности содержащейся в этом контракте арбитражной оговорки. Суд посчитал, что арбитражная оговорка по своей юридической природе является отличной от внешнеторговой сделки и на нее не распространяется порядок подписания внешнеторговых сделок. При этом арбитражное соглашение (арбитражная оговорка) является процессуальным договором, независимым от материально-правового договора, в который оно включено²³.

С этим выводом трудно согласиться. То, что арбитражная оговорка является автономной от самого договора (что закреплено как в международном, так и в национальном праве многих государств, включая и Российскую Федерацию), еще не означает, что она представляет процессуальный договор. Необходима здесь дополнительная аргументация.

При исследовании данного вопроса, с нашей точки зрения, следует обратить внимание на то, что арбитражное соглашение подчиняется закону, который стороны избрали в силу автономии воли сторон, а при его отсутствии – по закону страны, где решение было вынесено²⁴. А это характерно лишь для материально-правовых договоров. Процессуальные отношения подобного не допускают и регулируются только *lex fori*.

В большинстве дел арбитражные суды также рассматривают арбитражную оговорку как материально-правовой договор. К примеру, обратимся к делу *Banro American Resources, Inc. and Société Aurifère du Kivu et du Maniema S.A.R.L. v. Democratic Republic of the Congo* (Case No. ARB/98/7)²⁵, которое рассматривалось МЦУИС.

²³ Цит. по: *Кабатов В.* Из практики Международного коммерческого арбитражного суда при Торгово-промышленной палате Российской Федерации // *Хозяйство и право.* 1994. № 3. С. 42-43.

²⁴ См.: подп. «а» п. 1 ст. V Нью-Йоркской конвенции и п. 2 ст. VI Европейской конвенции о внешнеторговом арбитраже.

²⁵ [Электронный ресурс] [<http://www.worldbank.org/icsid/cases/Olgun-award-en.pdf> 08.02.2005].

В августе 1998 г. американская корпорация *Banro American Resources, Inc.* (*Banro American*), созданная по праву штата Делавэр, обратилась в МЦУИС, ссылаясь на нарушение Правительством Конго конвенции о недропользовании, заключенной между канадской корпорацией *Banro Resource Corporation* (*Banro Resource*), созданной по праву провинции Онтарио, компанией *Société Minière et Industrielle du Kivu, S.A.R.L.* (*SOMINKI*), с одной стороны, и Правительством Конго, с другой стороны. Конвенция касалась создания в Конго компании *Société Aurifère du Kivu et du Maniema S.A.R.L.* (*SAKIMA*) и содержала положение (ст. 35) о передаче споров между участниками конвенции о недропользовании в МЦУИС.

В июле 1998 г. Правительство Конго отменило декреты, которые одобрили конвенцию и предусматривали создание компании *SAKIMA*. В августе 1998 г. канадская корпорация *Banro Resource* продала принадлежащие ей акции компании *SAKIMA* своей дочерней корпорации *Banro American*.

В своем решении арбитражный суд отметил, что Канада, в отличие от США, не является участником Вашингтонской конвенции. Как следствие, положение конвенции о передаче спора в МЦУИС не имело первоначально юридической силы. Соответственно рассмотрение данного спора не входит в юрисдикцию МЦУИС. Тем не менее, как следует из решения, арбитражный суд допускал возможность «передачи арбитражной оговорки», содержащейся в конвенции, вместе с передачей акций.

Другой пример - из арбитражной практики Российской Федерации. Между бельгийской и американской фирмами в 1996 г. был заключен договор уступки права иска, требования и долга, по которому первая фирма передала второй право требования к российскому акционерному обществу о возврате средств, полученных последним от бельгийской фирмы по договору о предоставлении ссуды. В договоре о предоставлении ссуды было предусмотрено, что все возникшие из него споры и разногласия будут разрешаться путем переговоров, а в случае, если спорные вопросы не будут урегулированы мирным путем, – в арбитражном институте при торговой палате города Стокгольма в соответствии с регламентом этого арбитражного института.

Американская фирма открыла в России свое представительство и обратилась в арбитражный суд Российской Федерации с иском к российскому акционерному обществу о взыскании долга по ссуде, выдан-

ной бельгийской фирмой. Предъявляя иск в арбитражный суд Российской Федерации, цессионарий считал, что арбитражная оговорка как соглашение сторон является самостоятельным, не зависящим от основного договора условием и имеет не материально-правовой, а процессуальный характер, поэтому не могла быть передана ему по договору цессии.

Однако арбитражный суд заключил, что предъявление иска в защиту нарушенных прав представляет собой одну из составных частей содержания права требования, перешедшего к новому кредитору, и сохранение ранее установленного сторонами порядка разрешения споров не ущемляет прав цессионария и позволяет обеспечить надлежащую защиту интересов должника. Учитывая это, арбитражный суд сделал вывод о том, что к упоминаемым в ст. 384 ГК РФ условиям, на которых права первоначального кредитора переходят к новому кредитору, может быть отнесено также условие об избрании определенного арбитража для разрешения возможных споров между участниками договора²⁶.

The Jurisdiction of International Centre for Settlement of Investment Disputes (Summary)

*Valerii N. Lisitsa**

Convention on the Settlement of Investment Disputes Between States and Nationals of Other States (Washington, 18 March 1965) has determined the international procedures for the settlement of such investment disputes and made the legal background for states to go out the practice of the implementation of their right on diplomatic protection of their persons. It enabled to convert possible international investment conflicts into private ones.

In the article the author researches the conditions, which are necessary for International Centre for Settlement of Investment Disputes to have its

²⁶ См.: пункт 15 Информационного письма Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 16 февраля 1998 г. №29 «Обзор судебно-арбитражной практики разрешения споров по делам с участием иностранных лиц».

* Valerii N. Lisitsa – Ph.D. in Law, associate professor, senior researcher of the Civil Law and Process department of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences.

jurisdiction. The general rule is that a written consent of parties is required for this purpose. It is dispensable that such consent should have the form of a written document signed by the parties. Other forms are possible (the exchange of letters, telex, telegrams or other means of telecommunications as well as the exchange of statements of a claim and defence in which the existence of an agreement is alleged by one party and not denied by another).

The author considers some cases of the International Centre and concludes that it can also have jurisdiction over investment disputes, if a state stipulates appropriate provisions in treaties or national legislation. Simple reference is not sufficient. The provisions concerned should show clearly that the state has given its consent to the jurisdiction of the International Centre.